

А. В. Крейцер

ОБ ОСНОВАХ БЛОКАДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГЕРЦЕНОВЦЕВ (К 70-летию со дня полного снятия блокады Ленинграда)

27 января 1944 г. вошло в историю, литературу и публицистику во многом как День Ленинградского салюта. Событие салюта казалось тогда невероятным как по форме, так и по существу. Москва, уже не раз салютовавшая победам Ленинградского и Волховского фронтов, уступила честь главного победного салюта самому непокорившемуся городу. Такого еще не было за всю историю долгой и тяжелой войны. К сожалению, не сохранилось никаких свидетельств того, как и кем обсуждалось в столице это решение, почему оно было принято. Директива Ставки о проведении праздничного салюта в Ленинграде и о том, что победный приказ надлежит подписать не Верховному главнокомандующему, а командующему Ленинградским фронтом, поступила дежурному по штабу и незамедлительно была передана Л. А. Говорову и членам Военного совета. В зачитанном командующим Ленфронтом Говоровым по радио в 19.45 приказе впервые прозвучали слова о «великой победе под Ленинградом», ставшие впоследствии крылатыми.

В 20 часов над городом прогремел первый залп салюта. Над Невой поднялись разноцветные фонтаны фейерверка, в небе скрестились лучи прожекторов. Игра ослепительного света в городе, на протяжении многих месяцев жившем в условиях военного затемнения, светомаскировки, была невероятной, потрясающей.

Сохранились кадры кинохроники: по обращенным к небу лицам людей, давно разучившихся плакать, льются слезы. «Ликование — в данном случае недостаточное, неполное слово. Ликовали ленинградцы год назад, при прорыве блокады, известие о котором было для многих совершенно неожиданным. А для 1944 г. правильное другое слово — торжество. Люди знали, что победа неизбежно придет, что они ее завоевали. И вот она пришла...», — писал журналист И. Лисочкин [1].

Двадцать четыре раза взрывалось громом небо над Ленинградом. Вновь и вновь взлетали сотни ракет. Лучи прожекторов скользили по небу, опускались и высвечивали толпы людей на заснеженных набережных. Салют транслировался на всю страну. В этот день хождение по городу было разрешено до часа ночи...

А в десятках километрах от Ленинграда еще шли яростные бои, гремели орудия, небо озарялось полетами реактивных снарядов. Неделю назад снаряды разрывались в самом городе.

Блокада — едва ли не главная составляющая 300-летней истории Санкт-Петербурга, ибо именно она была самым тяжелым «личным» испытанием для города, испытанием, которое он выдержал, несмотря ни на что.

Но уже с 1948 г. начало разворачиваться позорное «ленинградское дело», и Маленков, вступивший в борьбу за сталинское наследство, произнес знаменитую фразу: «Выдумали себе особую судьбу...»

Историки до сих пор бурно спорят, почему Сталинград при отсутствии там у немцев тяжелой артиллерии был превращен в щебень, а ленинградские здания и архитектурные ансамбли после 900 дней блокады, непрерывных бомбежек и артобстрелов хотя и пострадали, но уцелели, хотя Гитлер планировал стереть город с лица земли.

Возможно северная столица не утратила свой облик, разрушаемый только в сегодняшние времена, из-за того, что в Ленинграде не было уличных боев, а в Сталинграде они продолжались почти полгода. К тому же большинство зданий в Сталинграде были деревянными и сгорели, а каменные находились в центре, и строили их в основном в советские времена. Эти здания нельзя было сравнить с прочными кирпичными домами Ленинграда, построенными до революции. Важно и то, что еще до налетов фашистской авиации все чердаки и крыши в городе по совету ленинградских ученых обработали специальным противопожарным раствором. В результате тысячи сброшенных на город зажигалок оказались бесполезными, хотя все-таки пожаров было много. Но гораздо меньше, чем, например, в Лондоне, который немцы бомбили тоже очень интенсивно [2].

Тем не менее все эти объяснения чего-то не объясняют. И чудится, что наш город должен был сохранить свои архитектурные ансамбли, улицы и дома в смертельной схватке с врагом потому, что именно они выражали душу северного Рима, таили в себе его духовную силу — ту силу, которая и сокрушила блокаду.

Уже давно переехавший в Москву великий петербургский краевед Н. П. Анциферов в сентябре 1944 г. защищал кандидатскую диссертацию по Петербургу Достоевского в Институте мировой литературы АН СССР. Анциферов потерял в блокадном Ленинграде сына и дочь, угнанную из Пушкина в Германию. Весной 1944 г. Николай Павлович посетил Ленинград. Теперь он произносил заключительное слово. До того в ходе защиты ученый сказал: «Я недавно почувствовал это поразительное ощущение Петербурга, ходил по его улицам в белые ночи и вывел заключение, что, несмотря на все изменения, несмотря на реконструкцию Сенной площади и пр., Петербург Достоевского в нем продолжает ощущаться. В Петербурге Достоевский видел большую идею, ради которой он прощал ему его мучительные стороны» [3].

Сейчас Анциферов вернулся к этому воспоминанию, чтобы заключить свое выступление, подводившее итог защите: «Я думаю, что красота белой ночи несовместима с тем, что нарушает гармонию мира. Эти перспективы, это сияние над Петербургом, который отражает мировую культуру, — его чувствовал Достоевский» [4].

Но Н. П. Анциферов был не прав. Достоевский сияние над петербургскими перспективами, во всяком случае зрительно, не воспринимал. Он видел в нашем городе преимущественно дисгармонию, может быть только предчувствуя истинную гармонию. Анциферов узрел в разорвавшем тиски блокады городе тот Петербург, который никогда не видел Достоевский. Тем самым Николай Павлович «перенаправил» и переделал Федора Михайловича. Великий краевед, посетив любимый Петербург, возвратясь в него, обнаружил город, вырвавшийся из вражеских оков, но еще только что сдавленный тьмой до предела. За таким пределом таится свет души города, который не подвластен воле врага и не может быть закован ни в какие оковы. И этот свет выражают архитектурные ансамбли Петербурга, которые не тронули фашисты.

Интересно, что если заседание Ученого совета ИМЛИ, на котором защищался ученый-краевед, состоялось 5 сентября 1944 г., то открытие Музея блокады в Ленин-

граде (первоначально в форме выставки «Героическая оборона Ленинграда») произошло 4 сентября того же года. Музей вскоре был полностью разгромлен в ходе «ленинградского дела». Но время открытия Музея было той недолгой эпохой, когда Событие блокады, с одной стороны, не успели вписать в рамки партийно-идеологических догм, а с другой — не изобразили как лишь беспросветное, безысходное и бессмысленное страдание (см., например, «перестроечную» прессу). Иначе говоря, сентябрь 1944 г. был временем, когда блокадная Правда еще не была заслонена от нас ничем.

В. Г. Белинский когда-то подметил «осердеченность» ума А. И. Герцена. В статьях об «осердеченности» герценовского ума [5] под ней подразумевалось сердце, руководящее умом. Но в Петербурге очень часто встречается обратное явление: ум (то есть разум, с которым часто и справедливо связывают запад) сжимает простор русской души и русской сердечности своей строгой рационалистической красотой. Что дает особый эффект, создает особенную, петербургскую, красоту. Она в той или иной степени обусловлена насилием. Речь идет о холодно-прекрасном облике классического Петербурга, через который пробивается и за которым таится сдавленная и оттого даже усиленная сердечность. Потому город очень часто и не помогает своим детям, что его сердечность пребывает в плену. Из-за своей плененной, полузадушенной сердечной красоты у Петербурга особая связь с ленинградской блокадой, которую он словно притянул к себе.

Петербург — русская восточная красота, сдавленная в лапах запада мasonicкой архитектурой и имперской идеей, имеющей западное происхождения, ибо восточная идея — это жертва и отказ от себя, но никак не насилие, в том числе государственное [6]. Через «сдавленность» петербургская красота не утрачивает себя, а становится еще более выразительной, неся в себе трагизм. Эта красота не может помочь тебе, потому что сама в плену. Но влечет, пленяет человека. Восточная красота в Петербурге пленена западом еще по воле Петра...

Когда запад и ум, что одно и то же, начинают слишком давить на сердце, сжимая его в своих тисках больше меры, оно вырывается и... охватывает любовью запад. После принесенной Жертвы происходит Воскресение, и на невские просторы нисходит дух Любви. И уже не ум руководит петербургским сердцем, а сердце умом. Сердце Петербурга — то же самое, что его душа, которой Николай Павлович Анциферов посвятил свою знаменитую книгу. Когда душа, освобождаясь, сбрасывает оковы ума, она берет его в плен своей любовью, охватывает его собой. В Петербурге ум (запад) изо всех сил прижимает сердце к земле. Но оно сопротивляется, высвобождаясь и устремляясь к небу. Особенность петербургской русской души в том, что в этом городе сердце сдавлено в лапах запада умом даже больше, чем «на местах», в остальной России. Поэтому освободившееся сердце в Петербурге оказывается шире, чем сердце России. Петербургское сердце охватывает при своем высвобождении любовью и запад, и восток, иначе говоря, весь мир, чему помогают западноевропейские архитектурные и иные, в том числе мыслительные, формы города.

Понятно, что такая идеология Петербурга, безусловно поддерживавшая ленинградцев в дни блокады, была неприемлема для сталинского руководства, организовавшего пресловутое «ленинградское дело» вскоре после того, как наш город победил в смертельной схватке с врагом.

Конечно, описанная идеология была не единственной идеологией ленинградцев в дни их сопротивления. Более полумиллиона жизней, жертв голода, болезней. А сколько еще осталось инвалидов на всю жизнь, сколько умерло потом раньше срока? Все ли эти

жертвы были принесены во имя Любви? Все ли были не напрасными? Мы не можем судить об этом.

Ведь за каждой человеческой жизнью стоят неповторимые индивидуальность и судьба. Об этом думаешь, читая алфавитный список погибших в 1942 г. сотрудников Института имени А. И. Герцена:

1. Андреева Любовь Ивановна, 1899, делопроизводитель.
2. Андреев Николай Петрович, 1886, профессор.
3. Ачкасова Ксения Устиновна, 1891, ротаторша.
4. Блинов Леонид Егорович, 1924, извозчик.
5. Боровский Борис Модестович, 1885, доцент русского языка, зам. декана.
6. Булычев Петр Васильевич, 1879, доцент русского языка.
7. Бережнов Сергей Георгиевич, 1880, преподаватель.
8. Вашурин Александр Алексеевич, 1889, монтер.
9. Верзина Елизавета Леонидовна, 1889, библиотекарь... [7]

Язык не поворачивается написать: «и т. д.». И хочется, вслед за Гоголем, сказать: это не мертвые, а живые души. Посему мы не имеем права как бы то ни было спекулировать ими и памятью о них с целью получения политической либо другой выгоды.

Послеблокадный Ленинград, как и блокадный, знал очень много тьмы... Журналист Вячеслав Тюев вспоминал свое детство: «Люди в большинстве — серенькие, бледные, с выступающими скулами. Идет второй послевоенный год, а время тяжелое, голодное.

Вот оно, наше счастливое детство, о чем болтают дикторы радио и халтурщики-писатели, — обивать пороги чужих квартир, моля о кусочке хлеба, нищенствовать на городских мостах под холодным пронизывающим ветром. Сколько нищих появилось в последнее время! От пятилетних до глубоких стариков. Сам видел: на Аничковом мосту через Фонтанку в стужу сидят десятилетние безногие или безрукие мальчишки, обдуваемые ветром, без шапок, которые они положили на холодный камень перед собой...

И почти каждый день стучат в дверь нашей квартиры. Открываю вчера — стоит женщина с маленьким мальчиком: "Дайте, пожалуйста, корку хлеба, если есть". Сын стоит молча. Просили даже не кусочек хлеба — корку...» [8].

Но именно благодаря блокаде Ленинграда Н. П. Анциферов преодолел мрачно-дисгармоничное восприятие Петербурга любимым им Достоевским. Ведь кольцо блокады сгустило петербургский мрак до страшного предела, который и не снился Достоевскому и к которому лишь приблизился Свидригайлов. А затем блокадное кольцо разорвал Свет, таившийся «за пределом». Это был Свет Победы, озаривший город и стоящие за ним страну и мир. Блокада показала, что город может преодолеть тьму, даже большую, чем петербургская тьма Достоевского, а уж тем более ее саму.

Все эти мысли о свете посетили автора настоящих строк даже не сейчас, а в ночь с 22 на 23 января 2006 г., когда он сидел в своей квартире со свечой во время аварийного отключения света, слушая, как в блокаду, звук метронома по радио и замерзая (на улице –30 градусов) под воздействием пришедшего в Петербург из Восточной Сибири циклона. Тогда ему думалось и о том, что 18 января была прорвана ленинградская блокада, 27 января она была снята, и в те же дни конца января в разные годы умерли его отец и бабушка, прошедшие блокаду, которая была не только адом, но и высшим проявлением петербургского Креста...

Николай Павлович Анциферов в известном смысле герценовец, так как Петроградский педагогический институт им. Н. А. Некрасова, в котором он преподавал,

в 1923 г. слился с Педагогическим институтом им. А. И. Герцена. Но Анциферов герценовец прежде всего потому, что он являл собой человека сердца («герц» — сердце), удивительно радостного, светлого и открытого к людям даже в самые тяжелые минуты своей жизни.

Он был не единственным, кто, возвращаясь в город, видел его особенную красоту и свет. Вот как описывают возвращение в Ленинград блокадной поры герценовцы в воспоминаниях, хранимых в музейных архивах нашего университета.

Людмила Феодосьевна Конончук (1923–20..). Доцент кафедры английского языка. Заметка в стенную газету 1985 г.:

«В августе 1941 г. я оказалась в эвакуации. И по сей день два года, проведенные в Сибири, я считаю страшным периодом моей жизни. Меня снедали муки моральные. Я считала себя отступницей, предательницей родного города, и все мысли были о нем.

Как только в январе 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда, я добилась возвращения домой. Путь обратно был нелегок. Близкие, друзья, встречные отговаривали меня: "Сумасшедшая, ведь там смерть!"

В Кобоне, следующей остановке поезда после Тихвина, гремели зенитки, отгонявшие вражеские самолеты, а я пароходом по Ладоге прибыла наконец в Ленинград. Никогда я не забуду свой приезд. Я всегда считала и считаю, что Ленинград — самый красивый город в мире. Но никогда, ни до, ни после я не видела его таким прекрасным. Августовский прохладный день был пасмурным. Притихшие улицы были малолюдны. Четкие подтянутые фигуры военных. Какая-то необыкновенная чистота. И суровая, возвышенная, величественная красота родного города.

Потом я узнала, что такое обстрелы и как нелегок быт все еще блокадного Ленинграда, но ни на минуту не пожалела о своем шаге.

В течение полутора лет я работала в 36 отдельной запасной стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Это было огромное соединение, куда приходили на переформирование, долечивание и отдых части с боевых позиций. Здесь формировались и уходили на фронт новые подразделения. Я работала полковым библиотекарем, обслуживала находившихся в нашем полку солдат и офицеров, а также комплектовала походные фронтовые библиотечки.

Сейчас много говорят о том, что наши люди самые читающие в мире. Это было верно и в те годы. Скромная комната нашей библиотеки никогда не пустовала. Люди читали жадно, как будто хотели наверстать то, что упустили, будучи на передовой. Читали много поэзии, классиков и современных поэтов блокадного Ленинграда».

К. Старцев. Канд. филол. наук. Член Союза журналистов СССР. Москва, 6 января 1984 г.:

«...Когда я вышел на набережную Мойки и стал лицом к ограде, то был поражен необыкновенной красотой фасада института имени А. И. Герцена. Он был весь покрыт инеем и сказочно сверкал в этот солнечный день... Я не был студентом ЛГПИ, но попал в его здание, где был размещен госпиталь, осенью 1941 г. Тогда я не мог разглядеть этого прекрасного дворца: вместе с другими бойцами меня привезли сюда прямо с фронта. В бою под Новым Петергофом я получил тяжелое ранение ноги, которое осложнилось газовой гангреной... Как говорили врачи, смерть могла наступить в любой момент. Только блестящее искусство врача Н. А. Шаталовой (Церингер) спасло мне жизнь.

И вот я шел, — снова на обеих ногах! — смотрел на феерическую картину набережной Мойки с ее волшебными, словно вылепленными из снега домами, решетками и

деревьями. Февраль 42-го... Опираясь на тросточку, я прошел по Невскому, мимо Адмиралтейства, через Неву. Видел застывшие в снегу троллейбусы, голодные очереди у булочных, детские саночки, на которых везли умерших... А рядом — вмерзшие в невиский лед боевые корабли с нацеленными на врага орудиями...»

Трудно сказать, чего больше в этих описаниях города, особой его красоты, сдавленной в лапах врага, или предчувствия уже освободившейся красоты Петербурга...

Художники блокадного города... «...их было немало. Ведь и без прославленных монументов, без блеска золотых спицей наш город был красив в те годы особой, одухотворенной красотой, непреодолимо привлекавшей художников, поэтов... Любовь к городу, гордость им, его традициями, его историей, его памятниками приобретали тогда силу и значение необычные» [9].

Это свидетельство очевидца тех героических и тяжелых дней — М. А. Тихомировой, музейного работника, которых тогда в городе тоже было немало.

Кто-то занимался людоедством, а кто-то самоотверженно трудился, служа людям, творил и постигал прекрасное, несмотря на смерть, стоявшую за плечом, и на некоторых «товарищей» рядом.

Блокадное кольцо тьмы преодолевалось и размыкалось силой петербургского Света в Герценовском доме точно так же, как в любом ленинградском.

В институте размещался госпиталь, в котором работали в основном студенты. Клуб и библиотека вуза тоже во многом «обслуживали» госпиталь. При этом были повреждены некоторые и полностью разрушены бомбежкой 15 и 16 корпуса. Иссякло топливо, для отопления чугунных печек-буржеек собирали по коридорам, аудиториям, подвалам все, что могло гореть. Не стало электричества, вышли из строя водопровод и канализация.

Но даже в таких тяжелых условиях, несмотря на голод, холод, необходимость работы, основной целью студентов была учеба, связывавшая их с культурой.

Студенты в городе одни —
Без денег, помощи, семьи.
Бомбежки были, голод, смерть,
И мысль одна — не умереть!
Преодолевая все, учились,
В лабораториях трудились,
Писали лекции, зачеты
И семинарские работы.
В холодном каменном подвале
Мы госэкзамены сдавали...

Культурная и духовная жизнь в городе не затихала ни на минуту. Организовывались выставки картин художников Ленинграда, работали и посещались театры. Связь с миром осуществлялась через черную тарелку радио, все записи передач которого были стерты во время «ленинградского дела». Действовало около десяти православных храмов, не закрывавшихся во время бомбежки. Есть сведения о том, что командующий фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров присутствовал на некоторых церковных службах вместе со своим «штабным» окружением [10]. Целью большинства ленинградцев стало не просто выжить, а выжить, сохраняя человеческое достоинство. И основой сопротивления горожан, несгибаемости их духа был прежде всего любимый город.

Наш город предоставляет уникальную возможность побывать в здании, вход в которое пребывает в глубине теплого петербургского двора, к которому надо идти под

арками еще нескольких домов через три двора, в неповторимую анфиладу которых вступаешь, пройдя под арочным сводом с табличкой «Литейный проспект, 29». Четыре этажа здания сейчас занимают помещения одного из петербургских вузов. Но раньше здесь была школа. Об этом говорит сохраненная на первом этаже при входе мраморная доска с перечислением имен погибших в Великую Отечественную учителей и учеников. Школа — малая родина, и имена павших на войне за Родину учеников и учителей есть имена защитников этой школы. Имена отдавших свою жизнь за школу есть, а самой школы нет. Что вызывает при взгляде на мемориальную доску странные чувства. Эта доска чем-то похожа на алтарь снесенной церкви. Ведь церковный алтарь — место, где во время литургии хлеб и вино превращаются в Тело и Кровь Спасителя, принесшего Жертву за нас. Похоже, такую же жертву принесли убитые в Отечественную войну воины. А в равной мере забытые сейчас блокадные учителя, ходившие по квартирам своих учеников... Та доска — свидетельство этой жертвы и напоминание о петербургском «духе места» как духе Жертвы и Воскресения. Такой же дух неизбежно должен витать над алтарями снесенных петербургских храмов, даже если на их местах стоят дома.

Дворовые пространства, схожие с теми, через которые надо идти к зданию бывшей школы на Литейном, можно наблюдать из окон Музея Герценовского университета в 20 корпусе, а затем из окон в коридоре того же корпуса, ведущем в зал, где пребывал алтарь возрожденной церкви апостолов Петра и Павла. Как характерны для нашего города — северного Рима — пространства дворов студенческо-преподавательского городка, составленного во многом классицистическо-барочными зданиями, венчаемыми дворцом К. Г. Разумовского... Все другие дворы университетского городка нужны словно для того, чтобы привести к двору этого здания, которое есть словно машина времени: со стороны Мойки дворец блистает ярким парадным «римским» фасадом, а с выходящей в тенистый сад стороны Казанского собора пребывает в своем прошлом. Примечательно: в обоих локусах — здешнем и дворов Литейного — одинаково ощутим теплый, словно богородичный дух. В этих дворах думается о том, что теплота и душевность старого города неотделима от жертвенности, от страданий, от мученической судьбы Петербурга. Душевность петербургских дворов выстрадана городом. Духом жертвенности дышат дворы и улицы Петербурга благодаря душевности и теплоте места, его любви к нам, неотрывной от Жертвы. Но теплая аура дворов в Петербурге иная, чем в Москве. Она не столь замкнута и уютна, как в первопрестольной... ибо хранит в себе вместе с памятью о людях, когда-то ходивших здесь, всеохватный, вселенский дух города мировой культуры, вдохновлявший их и дававший им силы. Атмосфера петербургских дворов не только и не столько душевна... она прежде всего духовна. Такие мысли могут прийти в голову, когда стоишь у «герценовского» окна...

У этого окна думается также о том, что видеть подобным образом дворы Петербурга помогает Музей Педагогического университета имени А. И. Герцена с его особой душевной атмосферой любви и заботы о прошлом. Но в музее не только хранят память о прошлом, но и помогают его воскрешать в новых формах, продолжая традицию.

Хочется верить, что это традиция той самой Правды, о которой рассказывали экспонаты открытого в 1944 г., вскоре после этого уничтоженного, а ныне возрождаемого Музея блокады.

Нынешний Музей обороны и блокады Ленинграда делает свое дело. Но память о блокаде хранят и конкретные городские места, среди которых локус Герценовского университета не последний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лисочкин И.* Огни Ленинградского салюта // С.-Петербургские ведомости. 2004. 27 янв.
2. См. об этом, например: *Соколов А.* Особенности артобстрела // Петербургский дневник. 2010. 12 апр. С. 10.
3. Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 118.
4. Там же. Л. 103.
5. *Крейцер А. В.* «Осердеченный» ум Александра Герцена // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1; *Он же.* Новый» Герцен / Слово. Словарь. Словесность. Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена): Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 14–16 ноября 2012 г. — СПб.: Сага, 2012; *Крейцер А. В., Колосова Е. М.* Об «осердеченном уме» Александра Герцена (к 200-летию со дня рождения) // Филология и образование: междисциплинарный аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Волхов, 27–28 марта 2012 г. — СПб.: Университетские образовательные округа, 2013; *Буслов (Крейцер) А. В.* Герцен на картине Н. Н. Ге «Тайная вечеря»: Христос или антихрист? // Метроном Аптекарского острова: Альманах. 2012. № 1.
6. См. об этом подробнее: *Крейцер А. В.* Трагедия разделенного человечества и Петербург, или Петербург в судьбах мира // Метроном Аптекарского острова: Альманах. 2005. № 2, 3, а также http://sol.soc.chat.ru/paper_r.htm paper.htm
7. Архив ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 34. Д. 151. Отчет о проделанной работе за 4 квартал 1942 г. по филиалу ЛГПИ. Л. 19.
8. *Тюев В.* Другой Ленинград. Короткие зарисовки из жизни послевоенного города // С.-Петербургские ведомости. 2013. 6 мая.
9. С.-Петербургская панорама. 1993. № 1. С. 19.
10. Данные любезно предоставлены крупнейшим специалистом по блокаде доктором исторических наук М. И. Фроловым.